

О МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УРАЛА (по фольклорным материалам)

Уже в XVII в. на Урале были обнаружены перспективные месторождения меди и железа и появились первые медеплавильные и железоделательные заводы. В начале XVIII столетия складываются предпосылки для ускоренного освоения рудных богатств Урала: страна остро нуждалась в металле, прежде всего для оснащения армии и флота. К 1730 г. здесь действовало около трех десятков металлургических предприятий. К концу столетия Урал становится одним из крупнейших в мире центров горнометаллургического производства. Непосредственным результатом его развития явилось появление на Урале социального слоя мастеровых и рабочих людей, формирование особого *горнозаводского* типа народной культуры, специфического горнозаводского уклада жизни, главной особенностью которого был его «промежуточный» *полурбочий-полукрестьянский* характер¹. Одной из важнейших задач историков является всестороннее и детальное изучение этого уклада жизни, горнозаводской культуры, включая верования горнозаводских людей. Богатые возможности в данном случае предоставляют записи рабочего фольклора, в первую очередь преданий. В.П. Кругляшова отмечает: «Предания — это исторический жанр. В преданиях отражена и оценена трудовым народом жизнь, ставшая историей»².

Предания делятся на исторические и легендарные. Последние подразделяются фольклористами на исторические легенды религиозного содержания и социально-утопические легенды. Исторические предания ценны тем, что они позволяют проследить, как народное сознание в разное время понимало логику событий, их причины, следствия, оценивало исторических личностей.

Одним из источников, питающих легендарные предания, являются так называемые былички — рассказы о сверхъестественных существах, преимущественно мемораты. В предлагаемой статье делается попытка преимущественно на основе преданий и быличек охарактеризовать мифологические представления горнозаводского населения дореволюционного Урала.

Ключевую позицию в мифологических представлениях занимают мифы о происхождении мира и человека (антропогонические) и объяс-

няющие появление различных природных и культурных особенностей (этиологические). На Урале мы встречаемся с особой, «превращенной» формой этой группы мифов — генеалогическими преданиями. Генеалогические предания — это особая группа народных рассказов, в которых объясняется происхождение названий населенных пунктов, а также происхождение живущих в них людей. Их можно рассмотреть как тексты, близкие к космологическим мифам потому, что они говорят о *создании*, но особенным образом: без сверхъестественных сил, благодаря человеку.

В народном сознании закрепились следующие истории о происхождении сел и деревень: легенды о «чуди» (древнем населении Урала), легенды, связанные с именем Ермака (как культурного героя-основателя) и легенды о народной генеалогии. «В некоторых семьях, — замечает уральский фольклорист, — хранят устные и письменные родословные о своих «корнях», о своей «родове» до четвертого и пятого колена»³.

В преданиях о начале сел и деревень содержатся отголоски рассказов о древних жителях Урала — «чуди». Скорее всего, причиной создания легенд о «чуди» на Урале стали находки «прежних жилищ древних коми, которые представляли собой полуземлянки или имели ямы-кладовки, а может быть, случайно раскопанные крестьянами, нетипичные для края древние курганы-захоронения»⁴. Можно предположить, что предания о «чуди» связаны с мифами о происхождении людей: «чудь» выступает в качестве предков людей, населивших Урал. В антропологических мифах встречается распространенный мотив: тот, кто создает людей, уничтожает так называемых. «неудачных» людей. В преданиях о «чуди» обнаруживается тот же мотив: «черные люди» (можно предположить, что здесь имеет место в том числе цветовая символика: черный цвет обладает негативной семантикой), не знали Бога, что противопоставляет их «удачным» людям, христианскому населению.

Связь преданий о «чуди» с генеалогическими преданиями выражается в том, что в первых дается толкование топонимических объектов (например, Чудная гора) и фамилий (например, Чудинов).

Самую большую группу образуют предания, записанные в разных районах Урала, которые объясняют происхождение курганов в связи с историей «самопогребения» чуди. Само понимание «чуди» здесь различается, но сущность образа одна: «чернокожие люди», слышав о скором приходе белых людей, построили себе избушки в земле, а потом «подрубили столбы, и их всех придавило»⁵. Предания

о «чуди» оказываются также связанными с группой этиологических мифов, которые объясняли появление «различных природных и культурных особенностей и социальных объектов» (по определению Е. М. Мелетинского).

Записан цикл преданий, связанных с именем Ермака и его деятельностью на Урале, предания о Демидовых, Аносове, Карпинском и др. Эти персонажи в народном сознании присутствуют в качестве *культурных героев* (которые «добывают или создают для людей различные предметы культуры, учат их... ремеслам, искусствам, вводят определенную социальную организацию,... магические предписания, ритуалы и праздники»⁶).

В преданиях о Ермаке присутствует и такой мотив, как борьба с «чудью»: Ермак, придя на Урал, встречает «чудь всякую», которая «не пускала пришельцев», борется с ней и одерживает победу, открывая русским дорогу на Урал и в Сибирь. Здесь обнаруживаются отголоски древнего мифа о происхождении мира. В данном случае Ермак выступает в качестве культурного героя, который создает «культурный мир», побеждая врага, освобождая путь для дальнейшего заселения территории.

Персонажами последнего цикла преданий являются реальные исторические личности. Они наделяются чертами культурных героев, т.е. мифологизируются в народном сознании, входят, тем самым, в народные представления о мире, и могут рассматриваться как элементы народных верований.

Демонологические предания рассказывают о непонятных, странных явлениях, происхождение которых связывалось со сверхъестественными силами (как персонажами народных поверий, так и предметам! материального мира, которым приписываются чудесные свойства). Специфика фольклорных текстов горнозаводского Урала состоит в том, что в их образной системе присутствуют и древнеславянские персонажи (леший, домовый и пр.), и персонажи, свойственные только горнозаводскому фольклору (горная матка, горный батюшка, девка Азовка, огневица и др.). Исключение, с точки зрения А.И. Лазарева, представляют предания о проделках лешего, которого здесь называют *шайтаном*.

Шайтан — это житель таежного или горного леса. Горнозаводские люди Урала давали ему четкие характеристики: он любит «хохотать, аукаться, хлопать в ладоши, свистеть, петь», у него «острая голова, нет бровей и ресниц». Иногда он — «лохматый», «волосатый», «выше самых больших сосен». Леший — «большой проказник и шутник»:

«морочит путникам голову», заставляет «кружиться на одном месте». Следовательно, это олицетворение дремучего леса со всеми его опасностями, как и леший в общерусской традиции. Происхождение образа шайтана, как предполагает А.И. Лазарев, такова: «Для русских переселенцев ...горная тайга была полна ужасов...В этих лесах наиболее чувствуется живой трепет, и леший является его выразителем»⁷. По словам исследователя, «этим и объясняется то, что образ лешего разрабатывается в горнозаводских преданиях, главным образом, в связи с мотивом блуждания человека по лесу»⁸. Образ лешего (шайтана) и предания, с ним связанные, не являются собственно уральскими. Это модифицированные в новых условиях (другая социальная и природная среда) старые фольклорные традиции.

Составной частью представлений о мире в народном сознании являются представления о мире природы, ее одухотворенности. Для архаического мышления характерным было представление о том, что мир, в котором живут люди, одухотворен (водой «правит» дух воды, землей — дух земли и т.д.).

Н.А. Швабауэр утверждает, что «на Урале, Алтае и в Башкирии, становятся промысловые культы “хозяев гор”, которые олицетворяют почитание горы как сакрального центра, источника жизни и благосостояния племени. Горные духи генетически связаны и с миром мертвых. Центральным понятием рабочей культуры является камень (металл), и все составляющие образной системы так или иначе соотносятся с ним»⁹. В мифологических представлениях осью мира являются мировое древо или его разновидность — мировая гора. Таким образом, можно выделить три основных составляющих «мира» — вершина (место, где обитают боги), низ (место, где обитают злые духи, принадлежащие к царству смерти), центр (место, где обитает человеческий род). «Нижний» мир имеет региональные особенности. Поскольку население Урала было тесно связано с горнорудной промышленностью, «нижний мир» являлся не только «царством смерти» (как в славянской мифологии), но и «царством жизни».

С первого же взгляда обращает на себя внимание тот факт, что процесс складывания циклов преданий на Урале идет вокруг избранных образов и мотивов. Слухи и толки о домовых, леших, русалках и других духах природы здесь, как и повсюду, бытовали в виде быличек и преданий. Но эти предания не породили *собственно уральскую*, особенную традицию.

Интерес представляют предания о существах «нижнего» — под-земного мира, такие, как горный батюшка, горная матка (или Хозяй-

ка горы), огневица, полоз и др. Эти образы являются местными, они не встречаются больше нигде. Параллели огневице и горному башушке в общерусской традиции не существует, тогда как на Урале они были необычайно популярны.

Что касается огневицы, то не только русский фольклор, но и русские религиозные верования не знают подобного персонажа. Но известно другое — почитание огня. Этнографы XIX в. (в частности, С. В. Максимов), описывают праздник добывания «чистого» огня. Огонь представлялся очищающей и охраняющей силой: при падеже скота раскладывали костер из добытого трением огня и перегоняли через него скот. В поверьях отражается как почитание огня, так и страх перед ним (при разжигании считалось грехом соротиться). Для человека огонь был еще и грозной и опасной стихией. К примеру, на Урале бывали случаи, когда сплошная стена огня стояла, вытянувшись, от Златоуста до Екатеринбургa. Как правило, это сопровождалось редкими природными явлениями — свечением неба, шаровыми молниями. По словам А.И.Лазарева, «такие колоссальные катастрофы... не могли не отразиться в народном сознании и не породить фантастического образа огня»¹⁰.

В работе А.И. Лазарева приводятся примеры, иллюстрирующие бытование данного образа в уральском фольклоре. Образ огневицы связывается в преданиях с пожаром: «Открыл тогда старик внуку тайность про горную матку-огневицу. Будто она во время лесного пожара в горы прилетает. Горит лес кругом, зверь улетает, и вдруг поднимается ураган, ветер сосны, как ветки, шатает — гудит земля»¹¹. Здесь нашли свое воплощение мотивы, связанные с культом огня. С образом огневицы связываются также предания социально-бытового характера. Двойственное отношение к огню, которое было в народных поверьях, отразилось и в образе огневицы. Первое впечатление, которое она производит своим появлением на людей — страх, ужас, оцепенение. В фольклорных записях южно-уральских собирателей сохранились тексты, зафиксировавшие бытовавший образ: «Кидайся на землю. Ложись скорее. Матка-огневица летит», «...испугались на-смерть, попадали кто куда». По рассказам доменщиков-металлургов, огневица видится в пламени печи, однако она никогда не вмешивается в события в селе и в деревне. Между тем, предания никогда не говорят о превращении «огня» в прекрасную девушку. Доменщики воссоздавали и облик огневицы: стоит «девица», «сама стройная, в ярком, золотистом сарафане, а на губах — улыбочка». Обращается внимание на ее походку — «сама идет навстречу, а земли не касает-

ся». Красота огневицы — «ослепительная», «манящая», «дерзкая». Но о глазах ничего не говорилось — заглянуть ей в глаза никто не решался. Вообще, по словам металлургов, на огневицу опасно смотреть — немало доменщиков, взглядевших в очертания девушки, показавшейся в горниле домны, сошло с ума. Либо погибло в ее объятьях¹²

Появляется огневица всегда неожиданно, но ее появлению предшествует какой-либо социально-бытовой конфликт: надсмотрщик занес руку на не угодившего ему рабочего, приказчик хочет опозорить заводскую девушку, девушка, доведенная до отчаяния ухаживаниями приказчика, собирается покончить с собой и т.д. Неожиданно появляется огневица, и герой — спасен¹³.

В среде горнозаводского населения Урала получили также широкое распространение предания о горных духах: горном батюшке, горной матке. Образ «горного» складывается из разрозненных преданий. Это истории, связанные с «горным» в подземелье, в глубине шахты. Представление о «горном» складывалось, судя по преданиям, по слуховому восприятию. Это были попытки истолковать разные шорохи и звуки, сопровождаемые оседанием пород, движением газов, воздуха, грозившим людям катастрофой. Однако предания говорят о «таинственных» звуках, которые и приписывались «горному». Эти звуки влекли за собой зрительные характеристики: гулкий, глухой звук представлял «г»орного как огромное существо, седобородого «старца». Таким, в частности, он представлялся горнякам Нижнего Тагила. Свистящий, пронзительный крик соответствовал образу шустрого и злого человека, прячущегося за углом штольни, а хохочущий, гортанный голос «рисовал» облик озорного колдуна, который любит поугагать рабочих и поозорничать.

Горный дух обретает в преданиях также женский облик. Это может быть «белая женщина», «горная матка», «девка Азовка». В цвете одежды отражается ее причастность к драгоценным металлам: то ее представляют в красном платье, то в розовом (там, где добывают золото), то в белом (где добывали платину). Для раннего периода развития образа горной матки следует обратиться к образу девки Азовки. Она представлялась существом громадных размеров, выше горы Азов, где она живет. Ей подвластны недра, богатые железом, медью, углем. Но ее облик не всегда привлекателен: «Тут мне и покажись, будто из горы страхилатка лезет... Космы распустила, хайло разинула да как заревет диким голосом». Это единственный образ горноуральской мифологии, который имеет параллели в Европе.

Здесь уместны сравнения Подземной царицы из «Фалунских рудников» Э. Гофмана и Малахитницы из сказов П. П. Бажова. По немецкой легенде, у шахты в Церингене есть Хозяйка, которая носит связку ключей от подземных кладовых сокровищ и отпугивает их искателей криком, чем она схожа с Азовкой. В германской низшей мифологии присутствует также персонаж, напоминающий описанного «горного». Это дух Рюбецаль — воплощение горной непогоды и обвалов (не попытка ли это истолковать их источник, как это было на Урале?). Он являлся людям в образе серого монаха, хорошим помогал, плохих сбивал с пути, заманивал в горные пропасти¹⁴. Это такой же противоречивый образ, как и «горный», и Хозяйка горы («худому с ней встретиться на горе и доброму — радости мало», — написано у П.П. Бажова в сказе «Медной горы Хозяйка»).

Вопрос о происхождении этих образов до сегодняшнего дня не раскрыт. Р.Р. Гельгардт предполагает, что истоки образов следует искать в анимистических верованиях представителей различных народов, живших на Урале по соседству с русскими. Он не исключает, что такие персонажи в свое время имели место у коренных народов Урала. Однако по мнению А.И.Лазарева, рассматриваемые образы сложились на базе «старых мифологических и поэтических традиций»¹⁵.

Б.Г. Ахметшин в статье «Образы Хозяина и Хозяйки подземных богатств в фольклоре горняков Башкирии» отмечает: «Традиции устной прозы горняков современной Башкирии восходят к легендарно-фантастическим рассказам и эпическим песням об ископаемых богатствах и гениях металлов эпохи родового строя. Вместе с тем в традиционном приисковом фольклоре наряду с древними космогоническими воззрениями отражаются и стихийные народные материалистические представления»¹⁶. Исследователь считает, что «предков» «хозяина» и «хозяйки» горных богатств следует искать в произведениях устного народного творчества первобытного периода. Но он не отвергает версии об автохтонном происхождении этих персонажей горнозаводского фольклора. Другой ученый, В.В.Блажес, проанализировав предания березовских старателей, отмечает: «Березовские предания сохраняют фантастические мотивы, которые в прошлом занимали более существенное место и в рассказах-воспоминаниях»¹⁷. Вероятно, имеются в виду демонологические предания.

Присутствуют ли параллели с этими и другими образами уральской мифологии в общерусской традиции?

Л.Н.Шахова в статье «К проблеме изучения мифологических корней фольклорной прозы Урала» отмечает, говоря об истоках образа

Хозяйки горы: «Истоки этого образа связаны с дохристианскими представлениями славян о так называемых белых женах и девах, образ которых связан с образом богини весны (девой Солнце)... очевидно их принадлежность к миру «чужих», миру мертвых: они пребывают в недрах гор и глубоких источниках. Также и золото, которое они оберегают, неотъемлемый знак этого подземного царства»¹⁸. На эту же черту указывал В.Я. Пропп, говоря о золотой окраске как печати иного царства. Значит, корни образа Хозяйки подземных богатств можно также искать и в общерусских мифологических персонажах. В частности, в общеславянском пантеоне особое место занимает Мать Сыра земля. Появление в уральской традиции образа девки Азовки, а затем в сказах Бажова Хозяйки Медной горы, вероятно, восходит к представлению о женском начале мира.

Общим для уральской мифологии как части общерусской традиции является наличие божеств, связанных с хозяйственными циклами и сезонными обрядами, с духами природных стихий и пр. На Урале к ним примыкают духи огня, подземных богатств, связанных с профессиональной деятельностью.

Таким образом, мы можем говорить о специфической горнозаводской мифологии Урала, которая выразилась в народных верованиях, объясняющих появление различных природных (горный мир) и культурных (профессиональная деятельность) особенностей мира, в котором человек живет.

В преданиях исторической тематики и на историческом материале объясняются причины произошедших событий с точки зрения народного миропонимания. Это попытка объяснить собственное происхождение, собственную историю, проследить связь с предками. Составной частью представлений о мире в народном сознании являются представления о мире природы, ее одухотворенности, о так называемых низших духах (демонологические предания).

Проведенный анализ дает возможность говорить о существовании специфической «уральской мифологии», воплощенной в народных верованиях, и включающей в себя различные элементы духовного освоения окружающего мира. Эти народные верования закрепились в образах горнозаводского фольклора, который еще не до конца изучен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003. С.74